

МАКСИМ ЯСИПОВИЧ

ЧЕЛОВЕК УМЕР ЗАВТРА

СТАТУС:
УЧЁТ ЗАВЕРШЁН

ДАТА СМЕРТИ:
ВЧЕРА

Максим Ясипович
Человек умер завтра

«Автор»

2026

Ясипович М.

Человек умер завтра / М. Ясипович — «Автор», 2026

В мире, где дата смерти известна заранее, Артём Воронов получает невозможный прогноз: он умер вчера. За несколько часов система лишает его счетов, документов, работы и даже права на собственную квартиру. Чем упорнее Артём пытается доказать, что жив, тем опаснее становится ошибка. Спасаясь от тех, кто должен превратить прогноз в реальность, он находит людей, которые тоже пережили свою официальную смерть. А след погибшего брата приводит его к тайне МОИРЫ. Что, если система не просто предсказывает будущее — а сама решает, каким оно должно стать?

© Ясипович М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава 1. Дата смерти	6
Глава 2. Мёртвый клиент	12
Глава 3. Человек без лица	17
Глава 4. Свидетельство о смерти	22
Глава 5. Собственные похороны	27
Глава 6. Не доказывай, что ты жив	32
ЧАСТЬ II	38
Глава 7. Город мёртвых	39
Глава 8. 99,97 процента	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Максим Ясипович Человек умер завтра

ЧАСТЬ I

Я умер вчера

Глава 1. Дата смерти

В семь ноль три браслет коротко толкнул Артёма в запястье. Так он напоминал о неоплаченном счёте или просроченной прививке.

Артём не открыл глаз. Провёл большим пальцем по стеклу и услышал:

— Прогноз МОИРЫ обновлён. Рекомендуется ознакомиться до начала рабочего дня.

Он перевернулся на другой бок. За окном начинался обычный октябрьский дождь. Капли ползли по стеклу, собирались в дорожки и на секунду размывали фасад дома напротив. В кухне щёлкнула кофеварка. Дом знал его расписание и не ждал разрешения.

Уведомления МОИРЫ приходили всем. Иногда дата сдвигалась на два месяца из-за новой методики лечения, иногда на неделю из-за скачка давления или смены работы. Люди делились такими обновлениями за обедом, сравнивали годы, спорили о точности. Артём свои не обсуждал. Ему было тридцать четыре, и в последнем прогнозе значился май 2079 года. Достаточно далеко, чтобы не думать о нём до следующего обновления.

Дата впервые появилась у него в девятнадцать. В университете тогда устроили общее подключение, и студенты выходили из кабинок с тем выражением, с каким раньше выходили после экзамена. Кто-то плакал из-за короткого срока. Кто-то немедленно строил планы на девяносто лет. Однокурсник Артёма предложил отметить первый день известной жизни, и вечером половина курса напилась в баре. Через неделю даты стали частью анкет, шуток и расчётов. В приложениях знакомств можно было скрыть возраст, но не оставшийся срок. Работодатели уверяли, что прогноз не влияет на найм, и всё же кандидату с длинной датой чаще доверяли долгий проект.

Артём научился не смотреть. Он отключил ежемесячные напоминания и оставил только обязательные обновления. После Кирилла дата перестала казаться знанием. Она стала комнатой, в которой однажды выключат свет, сколько ни считай шаги до двери.

Он сел на кровати и раскрыл уведомление.

АРТЁМ СЕРГЕЕВИЧ ВОРОНОВ

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 14.02.2019

ПРОГНОЗИРУЕМАЯ ДАТА СМЕРТИ: ВЧЕРА

Артём перечитал последнюю строку. Потом коснулся её, ожидая подробностей.

— Событие завершено.

Он хмыкнул. В любой большой системе случались ошибки. Артём зарабатывал тем, что находил их в городских сервисах до того, как ошибки находили людей. Неверный часовой пояс, пустое поле, старый идентификатор, неудачное обновление. Здесь, скорее всего, перепутались дата расчёта и дата события.

— Сообщить о неточности, — сказал он.

Браслет помолчал.

— Функция недоступна для данного статуса пользователя.

Артём окончательно проснулся.

Он прошёл на кухню, взял чашку и включил стеновой экран. Профиль МОИРЫ открылся не сразу. Белый круг вращался дольше обычного, затем возникла знакомая карточка с его фотографией. На снимке он шурился от солнца, хотя фотографировали его в помещении. Под карточкой горела серая полоса.

СТАТУС: УЧЁТ ЗАВЕРШЁН

— Показать историю изменений.

— Доступ ограничен.

— Открыть медицинское основание.

— Медицинское основание отсутствует.

Он поставил чашку слишком близко к краю и тут же переставил. Руки оставались спокойными. Это почему-то раздражало. Ошибка была нелепой, но тело не видело в ней опасности.

Артём открыл «Дневник памяти». Приложение хранило короткие личные записи, фотографии, маршруты и голосовые заметки. Он пользовался им после смерти Кирилла, когда обнаружил, как быстро стираются точные слова, жесты и лица. Позже привычка осталась. В конце дня он записывал несколько строк, иногда всего одну.

Последняя запись была сделана вчера.

ДНЕВНИК ПАМЯТИ. ЗАПИСЬ 2187

22:14. Дома. Дождь бьёт по отливу так, будто кто-то просится в окно. Нашёл старое видео с Кириллом. Не стал включать.

В двадцать два четырнадцать он был жив. Более того, он помнил эту минуту. Кофе был горьким, на экране шёл выпуск новостей без звука, а в соседней квартире ребёнок учился играть одну и ту же гамму. За полночь Артём лёг спать. Умереть между этим и утром он тоже не успел.

Он всё-таки включил старое видео с Кириллом. Всего на несколько секунд. Брат снимал двор с крыши гаража и уговаривал Артёма прыгнуть в сугроб. В кадре виднелся рукав красной куртки, а за камерой звучал смех. Артём остановил запись до прыжка. Он хорошо помнил, чем она заканчивалась: сугроб оказался неглубоким, он ушиб колено, Кирилл нёс его домой на спине и придумывал объяснение для матери. Эта память не значилась ни в одном государственном профиле, но от неё до сих пор ныло колено в холодную погоду.

Он сделал снимок экрана. Браслет ответил тихим сигналом, но изображения в галерее не появилось.

— Недостаточно прав для сохранения данных умершего гражданина.

Впервые за утро Артём почувствовал страх. Под рёбрами открылся холодный провал.

Он заставил себя действовать по привычной схеме. Сначала зафиксировать состояние, затем воспроизвести ошибку, после этого искать точку расхождения. Такой порядок спасал от паники, когда ночью падала городская служба или чужой код начинал стирать данные быстрее, чем команда успевала их копировать.

Артём включил медицинское зеркало. Оно подсветило лицо мягким голубым светом, измерило температуру кожи, частоту дыхания и пульс.

— Физиологические показатели в пределах нормы, — сообщило зеркало.

— Идентифицируй пациента.

— Идентификация невозможна. Активный медицинский профиль отсутствует.

— Сопоставь лицо с локальной историей.

— Локальная история принадлежит умершему гражданину Артёму Воронову.

— Сравни лицо.

Свет прошёл по нему ещё раз.

— Сходство составляет девяносто девять целых восемь десятых процента.

— Тогда кто перед тобой?

— Вывод не предусмотрен протоколом.

Зеркало видело температуру живой кожи, движение крови и совпадение лица. Но вывод о смерти находился выше наблюдений. Артём записал ответ на бумаге, потому что экран уже отказался сохранить снимок.

Он проверил домашний журнал. Входная дверь закрылась за ним вчера в 19:06. Система вентиляции фиксировала дыхание в спальне всю ночь. Матрас отмечал сон, два пробуждения и учащённый пульс около четырёх утра. Ни один датчик не сообщал о падении, остановке сердца или вызове помощи.

В обычном деле этих данных хватило бы для подтверждения присутствия. Теперь возле каждой строки стояла серая пометка: «Сведения получены после завершения жизненного события и не подлежат учёту».

Артём открыл настройки квартиры и попытался выгрузить необработанный журнал. Система предложила обратиться к распорядителю цифрового наследства. Имя распорядителя пока не было назначено.

Он попробовал аварийный режим, которым пользовался на работе. Дом запросил служебное основание. Артём ввёл код неисправности, и на секунду увидел список внутренних операций. Запись о смерти пришла в квартиру в 22:14 ровно. Замки получили команду отозвать владельца, но выполнили её только после утреннего выхода. До этого дом продолжал обслуживать Артёма как обычно.

Значит, в двадцать два четырнадцать система не обнаружила смерть. Она получила решение считать его умершим.

В спальне заиграла гамма. Ребёнок за стеной снова повторял шесть нот, сбивался на седьмой и начинал сначала. Артём прислушался. Вчера в это же время звучало то же упражнение. Он вспомнил раздражение, с которым увеличил громкость новостей, а потом чувство вины и убрал звук совсем. Память была обычной, неудобной и потому убедительной.

Он позвонил в соседнюю квартиру. Домовая сеть не провела вызов. Тогда постучал в стену костяшками, как делал однажды, когда у соседей протекла труба. Музыка остановилась. Через несколько секунд ребёнок постучал в ответ.

Артём улыбнулся. Живой человек по ту сторону стены ответил живому человеку. Ни один профиль не участвовал.

Он написал вторую строку на бумаге: «В 07:26 сосед ответил на стук».

Потом проверил новости. Никакого происшествия по его адресу не было. Скорая, полиция и пожарные к дому не приезжали. В городской сводке ночь называли спокойной. Смерть существовала только в документах и уже управляла всем, чего касалась.

В служебной справке нашлась короткая схема полномочий. МОИРА формировала рекомендацию, совет надзора превращал её в закрытое решение, а городской контур исполнял команды через реестры и устройства. На экране это выглядело одной системой. Юридически ответственность была разделена между людьми, которых пользователь никогда не видел.

Артём посмотрел на собственное отражение. Под глазами залегли тени, на подбородке остался порез после бритья. Он коснулся пореза и увидел кровь на пальце.

— Зафиксировать травму, — сказал он зеркалу.

— Умершему гражданину медицинская помощь не требуется.

Тогда он вытер кровь белым полотенцем и оставил пятно. Не доказательство для системы. Доказательство для себя.

В ящике письменного стола лежала папка с бумажными документами. Мать собирала её для обоих сыновей и каждый год спрашивала, не потеряли ли они свидетельства о рождении. Артём считал папку семейной странностью. Большинство сведений давно хранилось в реестрах, а бумага требовалась только для архивных запросов.

Кирилл терпеть не мог эту папку. В шестнадцать лет он вытащил из неё своё свидетельство, сложил самолётик и запустил с балкона. Мать заставила обоих искать бумагу во дворе. Артём нашёл её под машиной, разгладил утюгом через полотенце и с тех пор проверял документы дважды. Кирилл смеялся: если бумага пережила полёт и дождь, государство тоже переживёт.

Вечером они подрались из-за того, кто признается матери. Кирилл получил рассечённую губу, Артём — синяк под глазом. Утром брат сказал, что самолётик сделал он один. Это был его обычный способ заботиться: сначала устроить беду, потом забрать себе большую часть наказания.

Он достал паспорт старого образца, диплом и трудовой договор. На фотографии в паспорте ему было двадцать восемь. Бумага не меняла цвет из-за статуса. Печать оставалась печатью.

Фотографию сделал Кирилл за неделю до аварии. Он трижды щёлкнул Артёма пальцем по уху, чтобы тот перестал смотреть в объектив как на проверяющего. На четвёртом снимке Артём почти улыбался. Этот кадр и выбрали для паспорта.

Артём положил паспорт рядом с полотенцем и написал время. Потом включил автономную камеру Кирилла. Она хранилась в коробке с проводами и работала от сменной батареи. На первом снимке вышел тёмный силуэт. Он настроил выдержку, поставил камеру на полку и сфотографировал себя с утренней газетой на стеновом экране.

Газета могла исчезнуть, экран могли переписать, снимок могли назвать монтажом. Он это понимал. Всё равно снял ещё три кадра: часы, профиль с датой смерти, своё лицо.

Карта памяти приняла файлы. Никаких прав она не спрашивала.

Внутри коробки Артём нашёл пачку маленьких наклеек. Кирилл подписывал ими накопители: «Музыка», «Мама», «Налоги», «Не открывать при маме». Последняя была пустой. Артём написал на ней «Утро после смерти» и приклеил к карте.

Ему стало стыдно за название. Слишком громкое для ошибки в базе. Он хотел снять наклейку, но оставил. Если к вечеру всё исправят, она станет семейной шуткой.

На кухонном экране таймер до удаления уменьшался. Артём проверил облачное хранилище. Папки уже переходили в режим наследования. Личные фотографии оставались видимыми, но загрузка новых файлов была закрыта. Рабочие документы исчезли из списка. Система предлагала скачать разрешённую копию воспоминаний для распорядителя.

Внизу справки мелькнул раздел «Посмертный доступ»: после закрытия профиля связанные с причиной смерти материалы могли получить наследники или аудитор по отдельному запросу. Артём открыл пункт, но система потребовала завершённый статус и внешнее подтверждение. Он закрыл окно. Сейчас ему нужно было не изучать права покойника, а перестать им быть.

— Кто распорядитель? — спросил он.

— Назначение ожидает подтверждения ближайшего родственника.

— Показать родственника.

На экране появилось имя матери. Рядом стояло уведомление, которое уйдёт ей в девять утра.

Оставалось семнадцать минут.

Артём потянулся отменить сообщение и остановился. Если позвонит раньше, придётся объяснять. Мать спросит, что случилось, а он пока не знал. После смерти Кирилла любое внезапное утреннее сообщение заставляло её ждать худшего.

Он открыл черновик:

— Мам, со мной всё нормально. В реестре ошибка. Не пугайся, если придёт уведомление.

Слово «нормально» выглядело неправдой. Он заменил его:

— Я дома и жив. Позвоню через час.

Отправка не прошла. Мессенджер сообщил, что умершие пользователи не могут начинать новый разговор.

Он позвонил. Вызов сбросился на этапе проверки профиля. Тогда Артём включил старый городской телефон, которым не пользовался несколько лет. Аппарат попросил оплатить соединение. Привязанная карта уже не отвечала.

Уведомление матери ушло ровно в девять.

На браслете появилось подтверждение: «Ближайший родственник извещён». Артём представил её кухню, чашку на столе и звук сообщения. Теперь система знала о его смерти раньше, чем он мог сказать о жизни.

Через минуту раздался звонок в дверь.

Он бросился в прихожую. Домофон показывал соседку с девочкой, которая играла гамму. Соседка держала в руке телефон.

«Артём?» спросила она через дверь. «У нас сеть пишет, что ваша квартира переходит в наследство. Вы там?»

— Я здесь.

— Откройте.

Замок не реагировал на его ладонь. Артём повернул механическую защёлку. Дверь открылась на цепочку.

Соседка отступила. Она смотрела на него, потом на экран телефона.

— Тут написано, что вы умерли.

— Ошибка.

Девочка выглянула из-за её плеча.

— Это вы стучали?

— Я.

— Я ответила.

— Спасибо.

Соседка попросила показать руку. Артём просунул ладонь в щель. Она коснулась пальцев, словно проверяла температуру. Жест был неловким и простым.

— Вы тёплый, — сказала девочка.

Соседка одёрнула её и спросила, вызвать ли полицию. Артём представил, как будет объяснять патрулю собственный статус, и отказался. Попросил только записать время встречи.

— Куда?

— На бумагу. Что в девять ноль три вы видели меня живым.

Женщина вернулась с листком из школьной тетради. Написала дату, время, своё имя и подпись. Девочка добавила ниже: «Он постучал, я услышала».

Артём убрал листок в папку. Это было первое чужое свидетельство в его новом деле.

Он набрал номер службы поддержки МОИРЫ. После трёх коротких гудков женский голос сообщил, что среднее время ожидания составляет сорок две минуты. Артём включил громкую связь, пошёл в душ, оделся, успел допить кофе. Через сорок семь минут музыка оборвалась.

— Назовите цель обращения.

— В моём прогнозе ошибка.

— Уточните характер ошибки.

— Система считает, что я умер вчера.

Пауза длилась меньше секунды.

— Сведения о смерти подтверждены.

— Кем?

— Сведения о смерти подтверждены.

— Я сейчас с вами разговариваю.

— Голосовые обращения не являются средством идентификации.

— Тогда соедините с человеком.

— Специалист не может изменить событие, завершённое МОИРОЙ.

— Я не прошу изменить событие. Я прошу посмотреть на меня.

Линия отключилась.

На экране осталась его фотография. Серая полоса медленно погасла, и карточка исчезла. Вместо неё возникло сообщение:

— Профиль будет удалён через двадцать три часа тридцать восемь минут.

До этой секунды Артём собирался ехать на работу и разбираться с ошибкой по дороге. Теперь он стоял посреди кухни и смотрел, как система отсчитывает время до его исчезновения. Смерть уже считалась случившейся. Теперь таймер отсчитывал время до удаления профиля.

Глава 2. Мёртвый клиент

Внизу пахло мокрой одеждой и средством для мытья пола. Консьержка Тамара Петровна сидела за стойкой, кормила из ладони маленькую собаку и спорила с экраном о доставке лекарства. Увидев Артёма, она кивнула ему так же, как кивала последние шесть лет.

Это подействовало лучше любого медицинского теста.

— Доброе утро, — сказал он.

«Если оно доброе, то я балерина», ответила она. «Опять лифт ночью вставал. Ты не слышал?»

— Нет.

— Счастливый человек.

Артём почти рассказал ей про МОИРУ. Фраза уже поднялась к горлу, но показалась жалобой ребёнка на сломанную игрушку. Он улыбнулся и вышел под дождь.

У станции метро была кофейня без кассиров. Артём взял бутылку воды и сэндвич, положил на считывающую панель ладонь.

Панель мигнула красным.

— Способ оплаты недоступен.

Он приложил браслет.

— Способ оплаты недоступен.

За спиной образовалась очередь. Кто-то вздохнул. Артём отступил и открыл банковское приложение. Вместо счетов появилась чёрная карточка с белой надписью:

— Обслуживание прекращено в связи со смертью клиента.

Ниже была ссылка на порядок наследования средств.

— Это ошибка, — сказал он, хотя никто не спрашивал.

Молодой человек в очереди посмотрел на него и отвёл глаза.

Артём вышел из кофейни. Под козырьком было тесно. Люди стряхивали зонты, ругались на опоздания, просматривали новости. Жизнь шла в полуметре от него, но деньги, накопления, зарплатный счёт и кредитный лимит уже ушли в другое юридическое состояние.

Он позвонил в банк.

— Для восстановления доступа пройдите биометрическую проверку, — предложил голос.

Артём поднял телефон на уровень лица. Белая рамка поймала глаза, нос, подбородок. Потом стала красной.

— Лицо не соответствует активному клиенту.

— Я активный клиент.

— Клиент с указанными биометрическими данными умер.

— Переведите на оператора.

— Укажите степень родства с умершим.

Он закрыл приложение.

В кармане нашлась смятая бумажная купюра. Старые деньги принимали на рынках и в некоторых автоматах, хотя банки каждый год обещали вывести их из оборота. На купюре ручкой был написан чей-то номер. Артём не помнил, откуда она взялась. Он вернулся в кофейню, сунул её в аварийный приёмник и получил воду, сэндвич и горсть монет.

Пока он ел под козырьком, пришло новое уведомление.

— Ваш государственный профиль переведён в архив. Активные полномочия отозваны.

Следом посыпались сообщения. Медицинская страховка прекращена. Проездной аннулирован. Электронная подпись недействительна. Трудовой договор завершён на основании записи о смерти. Доступ к корпоративным системам закрыт.

У станции находилось отделение банка, занимавшее узкую стеклянную комнату между аптекой и мастерской. Внутри не было сотрудников, только три кабины связи. Артём вошёл, выбрал срочное обращение и снова прошёл проверку лица. Кабина отказалась его видеть. Он нажал механическую кнопку для слабовидящих.

На экране появилась женщина в гарнитуре.

— Доброе утро. Назовите номер обращения.

— У меня нет номера. Счёт закрыли из-за ошибочной смерти.

— Укажите данные клиента.

Артём назвал фамилию и дату рождения. Женщина сначала смотрела в другой экран, потом её взгляд вернулся к его лицу.

— Вы кем приходитесь клиенту?

— Я клиент.

— Камера не подтверждает.

— Вы меня видите?

— Видеосвязь не является биометрическим подтверждением.

— Забудьте биометрию. Человек на экране похож на фотографию?

Женщина понизила голос.

— Похож.

— Тогда заморозьте закрытие счёта.

— Я не могу. Операция уже завершена.

— Можно вернуть деньги?

— Наследнику после вступления в права.

— Мне нужны деньги на проезд.

Она молчала несколько секунд, затем сказала:

— В нижней части кабины есть аварийный лоток.

В лотке лежали две монеты. Вероятно, кто-то забыл сдачу. Артём поднял их.

— Спасибо.

Экран уже погас. Официально женщина ничего ему не дала.

Каждое сообщение было вежливым. Каждое начиналось со слов «с сожалением сообщаем».

Артём позвонил руководителю. Тот не ответил. Через минуту пришёл текст:

— Номер отправителя не связан с действующим профилем. Сообщения могут быть небезопасны.

Руководитель всё-таки перезвонил с корпоративной линии через семь минут. На экране не появилось его лицо, только служебный знак.

— Кто использует номер Воронова?

— Я использую свой номер.

— Служба безопасности предупредила о попытках социальной инженерии.

— Олег, мы вчера обсуждали отказоустойчивость третьего контура. Я отправил тебе схему в 18:32. На ней перепутаны два цвета, потому что ты просил переделать за десять минут.

На линии стало тихо.

— Запись совещания могла утечь, — сказал руководитель.

— Запись не знает, что после совещания ты попросил меня задержаться и признался, что сокращения начнутся с отдела тестирования.

— Хватит.

— Впусти меня в офис на пять минут. Я покажу паспорт, шрам, что угодно. Нужно поднять журналы обновлений.

— Ты не понимаешь. У нас уже идёт внутреннее расследование. Доступ Артёма закрыт. Любой сотрудник, который взаимодействует с похищенным профилем, попадёт под проверку.

— Ты слышишь мой голос.

— Слышу голос, похожий на его.

Руководитель говорил медленно. Похоже, эти слова были нужны ему самому.

— Если это действительно ты, обратись в государственную службу. Я не могу решать такие вещи.

— Государственная служба говорит, что я умер.

— Тогда я тем более не могу.

Связь прервалась. Почти сразу пришло уведомление, что корпоративный номер заблокировал дальнейшие обращения.

Артём вернулся в банковскую кабину и попробовал открыть сейфовую ячейку, где хранил запасной ключ, письма Кирилла и оригиналы нескольких семейных документов. Ячейка находилась в другом отделении, но удалённое подтверждение обычно занимало минуту. Теперь приложение показало, что содержимое передано в наследственную массу и будет доступно после описи.

Сотрудник, которого Артём представил, складывал бы паспорт, письма и запасной ключ в три разных прозрачных пакета. На каждом нашлось бы готовое поле для даты и номера дела.

На улице дождь усилился. Под навесом мужчина пытался оплатить лекарство для собаки и ругался с терминалом. Артём отдал ему одну из двух монет из банковского лотка. Мужчина поблагодарил, не спросив имени. Этот обмен оказался единственной финансовой операцией за утро, которую система не смогла отменить.

Аптека рядом с банком ещё принимала бумажные рецепты. Артём вошёл погреться и встал у полки с пластырями. Порез на подбородке уже засох, но медицинское зеркало отказалось его замечать. Он выбрал самый дешёвый набор и положил на прилавок оставшиеся деньги.

Фармацевт пересчитала монеты.

— Не хватает двенадцати.

Артём вернул пластырь на полку.

Мужчина с лекарством для собаки вошёл следом и добавил мелочь. На его куртке была эмблема почтовой службы старого образца.

— Теперь хватает, — сказал он.

Фармацевт провела покупку без идентификации. Артём хотел отказаться, но мужчина уже забирал пакет.

— Считайте, вернул монету.

Они вышли вместе. Собака ждала под лавкой и дрожала, хотя была в красной попоне. Мужчина размял таблетку в крышке от бутылки.

«Терминалы второй день не принимают мой профиль», сказал он. «Пишут, доверенность закончилась».

— Ваша?

— Жены. Собака её. Жена умерла в августе, а доверенность на уход за собакой почему-то закончилась вместе с ней.

— Для лекарства собаке нужна доверенность?

— Скидка привязана к её ветеранскому статусу. Без скидки пенсии не хватает.

Он дал собаке лекарство и погладил по голове.

— Система предлагает оформить животное как наследство. Смешно. Мы двенадцать лет жили втроём. Теперь выходит, я ей посторонний.

Артём показал экран банка.

Мужчина прочитал сообщение и посмотрел на него.

— Когда?

— Вчера.

— Сочувствую.

— Я здесь.

— Вижу.

— Система считает иначе.

Мужчина пожал плечами.

— Она мою жену считала живой ещё сорок минут после того, как врач накрыл лицо. Браслет поздравил её с выполненной нормой сна. Потом всё исправили.

— Вас это не пугает?

— Пугает, что у собаки лекарство кончится. Вы стоите передо мной и разговариваете. С этим понятно.

Его звали Григорий Иванович. Он достал из кошелька визитную карточку с домашним номером.

— Если понадобится позвонить, у меня аппарат с проводом. После смерти жены не отключил. Всё думал, вдруг позвонит кто-нибудь, кто не знает.

Артём записал номер на обороте листка соседки. Хотел дать свой, но вспомнил, что номер помечен как мошеннический.

— Спасибо.

— Вы только матери сообщите. Системные уведомления приходят раньше человеческих слов.

Артём посмотрел на браслет. Уведомление уже пришло. Пропущенный вызов матери не отображался, потому что архивный профиль блокировал входящие. Он попросил Григория Ивановича разрешить звонок.

Они вернулись в аптеку. Фармацевт не хотела давать стационарный аппарат постороннему. Григорий Иванович показал ветеранское удостоверение жены и сказал, что звонок медицинский. В этом была неправда, построенная из двух правдивых вещей.

Артём набрал номер матери. Ответил автоматический секретарь.

— Абонент временно не принимает вызовы с неизвестных линий.

Он оставил голосовое сообщение:

— Мам, это Артём. Я жив. В реестре ошибка. Не оформляй ничего и не открывай людям из службы. Я еду разбираться. Позвоню, когда смогу.

Секретарь попросил подтвердить имя отправителя. Артём назвал его. Система сообщила, что имя принадлежит умершему человеку, и предложила отправить запись как анонимную.

Он согласился.

Григорий Иванович слышал весь разговор.

— Она узнает голос, — сказал он.

— Все сегодня говорят, что голос можно подделать.

— Мать узнает, где вы вдохнули.

Артём вспомнил последний звонок Кирилла. Мать узнала голос и всё равно поверила дате. Он не стал рассказывать.

Фармацевт протянула ему пластырь. На этот раз денег не попросила.

«Камера записала, что вы его купили», сказала она. «Если понадобится доказать время».

— Запись привязана к магазину. Мой профиль она не распознает.

— Я сохраню отдельно.

Люди помогали мелкими действиями и каждый раз оглядывались на экран. Артём видел границу их смелости. Женщина из банка оставила монеты, фармацевт сохранила запись, Григорий Иванович дал телефон. Никто не мог вернуть ему счёт. Вместе они вернули утру несколько человеческих связей.

У газетного автомата Артём купил бумажную транспортную карту. Автомат принял вторую монету и выдал билет на одну поездку. На обороте печатали короткие правила безопасно-

сти. Первое гласило: «Не передавайте средства идентификации третьим лицам». Артём сложил билет пополам и спрятал в карман.

Перед входом в метро он увидел уведомление банка ещё раз. Под словами о смерти появилась новая строка: «Оцените качество обслуживания». Артём нажал одну звезду. Приложение ответило, что умерший клиент не может оставлять отзывы.

Это было настолько мелко и точно, что он снова рассмеялся. Смех вышел коротким, злым. Люди под навесом отодвинулись.

Тогда Артём набрал коллегу, с которым ещё вчера спорил о новой системе резервирования. Гудки шли долго.

«Да?» Голос Павла был сонным.

— Паш, это я.

Молчание.

— Кто?

— Артём.

Павел тяжело выдохнул.

— Очень смешно.

— Посмотри на экран. Я звоню со своего номера.

— У Артёма номер отключён.

— Потому что система записала меня умершим. Я стою у метро. Мне нужно попасть в офис и поднять журнал обновлений МОИРЫ.

— Кто бы ты ни был, больше сюда не звони.

— Паша, в июле ты пролил суп на резервный терминал и свалил на уборщика. Я переписал отчёт, чтобы тебя не уволили.

В трубке стало тихо.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что я Артём.

Павел отключился.

Через несколько секунд на браслете появилась метка: «Вызов передан в службу проверки мошенничества».

Артём посмотрел на вход в метро. Над дверями вращалась камера, чёрная полусфера в мокром металле. Раньше он почти не замечал их. Теперь казалось, что объектив смотрит прямо на него.

Ему нужно было попасть в офис до того, как служба проверки свяжет звонок с камерой. Внутри корпоративной сети хранились технические журналы. Если ошибка возникла при обновлении, там останется след.

Он натянул капюшон и пошёл к турникетам.

Браслет завибрировал в третий раз.

— Уважаемые родственники Артёма Сергеевича Воронова. Для оформления наследственного дела выберите удобную дату.

Глава 3. Человек без лица

Турникет не открылся.

Артём приложил браслет ещё раз. Экран показал пустой серый круг, как если бы к нему прислонили кусок пластика.

— Проходите или не задерживайте, — сказала женщина в форме у стеклянной кабины.

— Проездной сломался.

— К терминалу проверки.

На терминале требовалось посмотреть в камеру. Артём знал, как устроен этот этап: система сопоставляла лицо с государственным профилем, проверяла ограничения и выдавала временный билет. Он встал на отметку.

Камера качнулась, навелась на мужчину позади него, затем на женщину справа. Лица обвела зелёными рамками. Вокруг Артёма появилась жёлтая: «ЧЕЛОВЕК ОБНАРУЖЕН. ЛИЧНОСТЬ НЕ УСТАНОВЛЕНА».

— Подойдите ближе, — попросил терминал.

Он подошёл.

— Человек обнаружен. Активный профиль отсутствует. Подойдите к сотруднику для ручной проверки.

Мужчина сзади усмехнулся.

Артём помахал перед объективом рукой.

— Биометрическое совпадение не найдено. Не закрывайте лицо и оставайтесь в поле обзора.

Женщина в форме вышла из кабины.

— Документ.

— В телефоне.

— Открывайте.

Государственный профиль больше не открывался. На месте фотографии стоял знак архива.

— Бумажный есть?

Артём покачал головой.

Женщина посмотрела на него внимательнее. В её взгляде ещё не было подозрения, только усталость человека, которому добавили работу.

— Фамилия?

— Воронов.

Она ввела имя на ручном терминале. Усталость исчезла.

— Здесь умерший.

— Это я.

— Вижу, что не вы.

— На фотографии я.

Женщина перевела взгляд с экрана на его лицо. Сходство она заметила. Стало только хуже.

— Отойдите к стене и ждите проверку.

За её спиной турникет открылся перед школьной группой. Дети прошли плотной цепочкой, учительница считала их вслух. Артём шагнул вместе с последними двумя. Створки остановились в нескольких сантиметрах от его бедра и снова разошлись: датчик видел человеческое тело, хотя платёжный контур не видел пассажира.

— Стойте! — крикнула сотрудница.

Он не побежал. Бег сразу превратил бы ошибку в преступление. Артём пошёл быстро, смешался с пассажирами на эскалаторе и только внизу позволил себе оглянуться.

Камеры сопровождали его жёлтыми рамками. Ни одна не могла назвать имя, но каждая знала: по станции идёт неопознанный человек.

В вагоне он стоял напротив рекламного экрана. МОИРА предлагала пройти ежегодную консультацию о здоровье.

— Знать срок значит успеть главное, — говорила женщина с седыми волосами. Под её улыбкой значилась дата смерти через восемнадцать лет.

Пассажиры смотрели сквозь Артёма. Камеры, напротив, видели его безошибочно — только государство не соглашалось связать увиденное с Артёмом Вороновым.

На следующей станции в вагон вошли контролёры. Они двигались от двери к двери, проверяя случайные профили. Артём приготовился выйти, но поезд уже тронулся. Контролёр приложил терминал к браслету женщины рядом, затем к браслету подростка. Перед Артёмом устройство не подало сигнал. Контролёр обошёл его так близко, что задел плечом, извинился в пространство и проверил следующего пассажира.

Люди видели куртку, тело и мокрые волосы. Терминал не предлагал действия, поэтому увиденное не превращалось в факт. Большинство пассажиров давно доверило подсчёт другим устройствам.

В офисном квартале дождь усилился. Вход в башню был оборудован двойной проверкой: пропуск и лицо. Артём приложил браслет. На стекле возникла красная надпись:

— Полномочия аннулированы.

Охранник поднял голову.

«Воронов, у тебя же сегодня...» Он запнулся.

— Что сегодня?

Охранник побледнел. На его экране, вероятно, открылась та же карточка.

— Ты кто?

— Ты видишь, кто.

— Воронов умер вчера.

— А сегодня пришёл на работу.

Шутка прозвучала хуже, чем Артём ожидал. Охранник отступил и положил руку на тревожную кнопку.

— Не подходи.

За турникетами появился Павел. Он держал чашку и телефон, шёл быстро, не глядя по сторонам. Артём постучал в стекло. Павел поднял голову, увидел его и остановился.

Чашка наклонилась. Кофе пролился на рукав.

— Паша.

Павел подошёл на два шага, потом оглянулся на охранника.

— Это правда ты?

— Да.

— Но утром прислали...

— Знаю, что прислали. Открой боковую дверь.

Павел смотрел на него так, как смотрят на человека после тяжёлой болезни: узнают каждую черту и одновременно ищут перемену, которая объяснит невозможное.

— Ты вчера уходил раньше меня, — сказал он.

— В восемнадцать сорок пять. Ты остался исправлять презентацию, хотя сказал жене, что уже в метро.

— Значит, ты.

Охранник произнёс имя Павла. Тот вздрогнул.

«Мне нужен старый терминал из шкафа тестовой лаборатории», сказал Артём. «Принеси его сюда. Или дай временный пропуск».

— Если журнал ошибся, служба сама исправит.

— Служба уже ищет меня как мошенника.

— Может, тебе лучше дождаться полиции.

— Полиции или тех двоих, которые приехали к квартире?

Павел отступил.

— Я ничего об этом не знаю.

— Теперь знаешь.

К ним подошёл начальник охраны. Он не смотрел на Артёма, обращался только к Павлу.

— Пройдите к рабочему месту. Контакт снаружи зафиксирован.

— Это Воронов, — сказал Павел.

— Воронов умер.

— Я его вижу.

Начальник охраны повысил голос не сразу. Сначала посмотрел на камеру над входом и убедился, что она включена.

— Система не подтверждает личность. Вы взаимодействуете с неизвестным лицом, использующим данные умершего коллеги.

Фраза была готовой. Возможно, её уже показали на экране.

Павел сжал чашку. Артём ждал, что он откроет дверь, позовёт кого-то, хотя бы задаст ещё один вопрос. Вместо этого Павел сказал:

— Прости.

И ушёл к лифтам.

Охранник положил ладонь на тревожную кнопку.

Артём вышел из вестибюля. Через стекло видел, как Павла остановили у служебного поста и попросили приложить браслет. За минутный разговор ему уже приходилось отвечать.

На углу башни был вход для грузовых доставок. Артём обошёл здание, надеясь на человека вместо автоматики. Водитель разгружал коробки, кладовщик сверял номера. Проём оставался открытым. Артём подошёл вместе с тележкой, но камера над рампой произнесла:

— Физическое препятствие обнаружено. Человек не идентифицирован.

Кладовщик нажал остановку. Все посмотрели на пустое место вокруг Артёма, потом увидели его самого. Он понял, что ещё секунда, и кто-то вызовет охрану.

Пришлось уйти.

На служебной дороге маленький грузовой робот сдал назад. Обычно он останавливался, если человек входил в рабочую зону. Теперь робот продолжил движение. Артём успел отскочить, тележка прошла в нескольких сантиметрах от колена.

— Препятствие устранено, — сообщил робот.

Артём ударил ладонью по аварийной кнопке. Тележка замерла: лидар уже отметил препятствие как человека, но диспетчерский контур не мог открыть карточку пострадавшего. На дисплее появился запрос причины: «НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННЫЙ ПЕШЕХОД. ПРОФИЛЬ ОТСУТСТВУЕТ».

Он подтвердил ручную остановку.

Кладовщик вышел на рампу.

— Эй! Не трогайте оборудование.

— Оно чуть меня не сбило.

— Датчики исправны.

Кладовщик посмотрел в журнал и увидел выбранную причину.

— Какое ещё животное?

Датчик видел массу и тепло. Классификатор не находил действующего человеческого профиля и подставлял ближайшую допустимую категорию.

— Я.

Из главного входа появились двое охранников. Артём побежал между складскими контейнерами. Теперь решение было простым: его уже считали нарушителем, а служба проверки знала место.

Камеры не сопровождали его. В этом скрывалось преимущество. Охранникам приходилось искать глазами. Они привыкли получать стрелку маршрута на экране и двигались медленно, сверяясь с пустой картой.

Артём проскользнул за контейнер с бумажными архивами. На боковой панели шёл список получателей. Среди них был городской центр резервного хранения, куда отдел каждый месяц отправлял физические копии ключевых журналов.

Он сфотографировал маршрут на камеру Кирилла. Если старый планшет не удастся достать, копии можно будет искать там.

Сверху загудел патрульный дрон. Линза скользнула по площадке, отметила кладовщика, двух охранников, водителя. Артёма карта показывала как движущийся предмет неопределённого типа. Дрон запросил у охраны подтверждение.

Один охранник увидел его за контейнером.

— Стоять!

Артём перелез через низкое ограждение и оказался на территории соседней стройки. Рабочие носили жёлтые плащи и белые каски. У входа лежала запасная куртка. Он надел её поверх своей, поднял с земли пустой ящик и пошёл вместе с бригадой.

Дрон не заметил перемены. Для него неопределённый предмет вошёл на стройку и потерялся среди материалов.

У дальних ворот бригадир считал людей вручную. Он посмотрел на Артёма.

— Чей?

— Из доставки.

— Куда?

Артём показал ящик.

— Пустой назад.

Бригадир махнул рукой. Человеческая проверка оказалась проще автоматической: правдоподобный ответ и занятый человек.

За воротами Артём снял куртку и оставил на ограждении. Сердце билось так сильно, что в ушах шумела кровь. Он привык считать город безопасным. Светофоры видели пешехода, транспорт останавливался, патруль находил человека по лицу. Теперь каждая защита проходила мимо. Если он упадёт на улице, система вызовет уборочную службу из-за препятствия.

Он подошёл к переходу. На светофоре горел красный. Датчик ожидания не зафиксировал пешехода и не включил зелёный. Артём нажал старую механическую кнопку. Она работала.

Пока ждал, браслет показал предупреждение: «В районе ведётся поиск лица, использующего данные умершего гражданина». Фотографии не было. Только описание одежды, взятое со слов охраны.

Артём снял мокрый шарф и вывернул куртку подкладкой наружу. Получилось нелепо, зато описание устарело.

На другой стороне улицы стояла кабина общественной связи. Он набрал внутренний номер Павла, который помнил со времён ремонта корпоративной сети. Ответа не было. После пятого гудка включилась голосовая почта.

— Паша, я не прошу открывать дверь. Посмотри журнал обновлений между двадцатью двумя и двадцатью тремя. И сохрани его вне сети. Если увидишь мой идентификатор, ничего не отправляй мне. Просто запомни.

Он положил трубку. Через стекло кабины заметил охранников на перекрёстке. Один показывал прохожим экран с описанием.

Артём вышел через служебную дверцу с другой стороны. Кабины проектировали для ремонта и уборки. Обычный пользователь про неё не знал, а системный аналитик однажды проверял модель доступности.

Навык, который вчера помогал чинить городские сервисы, сегодня помогал прятаться от них.

Он не злился на Павла так, как ожидал. Павел увидел живого друга, но система сразу сделала цену этого взгляда заметной. Работа, проверка, возможное обвинение. Мужество требовалось не для того, чтобы поверить глазам. Для того, чтобы продолжать верить, когда за это приходит уведомление.

За спиной Артёма раскрылись двери. Он вышел, прежде чем охранник успел решить, чего именно боится.

Оставалась квартира. Там лежал старый служебный планшет, не подключённый к корпоративной сети с прошлого года. С его помощью можно было войти в аварийный контур и проверить журнал обновлений. Артём вернулся на метро, на этот раз прошёл вплотную за высоким мужчиной с чемоданом. Никто его не остановил.

Домофон у подъезда не увидел браслет. Код, который Артём набирал шесть лет, тоже перестал работать. Тамара Петровна открыла изнутри.

— Ты чего под дождём мокнешь?

— Домофон сломался.

— Ночью лифт, утром домофон. Скоро окна отвалятся.

Она снова впустила его как живого.

У двери квартиры Артём приложил ладонь к замку. Индикатор загорелся жёлтым.

— Доступ владельца прекращён.

— Аварийное открытие.

— Требуется разрешение распорядителя наследства.

На двери появилась цифровая пломба. Артём увидел своё отражение в тёмном стекле и надпись поверх лица:

ИМУЩЕСТВО УМЕРШЕГО. ОПЕЧАТАНО ДО ОФОРМЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВА.

Он позвонил в соседнюю квартиру. Ребёнок за дверью перестал играть гамму. Никто не открыл.

Артём сел на пол и прислонился спиной к стене. За день изменилась не одна запись.

Ошибка не была одной строкой в МОИРЕ.

Она уже добралась до каждого замка.

Глава 4. Свидетельство о смерти

У Тамары Петровны хранился механический ключ от технических помещений. Она дала его Артёму без вопросов, но идти с ним отказалась.

— Если твой замок не пускает, звони управляющему.

— Звонил.

— И что?

— Я умер.

Она прищурилась.

— У меня смена до восьми. Умирай после.

Ключ открыл щитовую на его этаже. Артём снял панель обслуживания, отключил квартиру от домовой сети и подал питание напрямую. Замок перешёл в аварийный режим. Дверь открылась на пять сантиметров и упёрлась в цифровую пломбу. Артём просунул руку, нащупал защёлку и порвал пломбу.

Система тут же сообщила о незаконном проникновении в имущество умершего.

Он вошёл и закрыл дверь.

Квартира выглядела так, будто он вышел пять минут назад. Чашка стояла в раковине. Кровать не застелена. На спинке стула висела синяя рубашка. Ничего не изменилось, кроме права находиться здесь.

Служебный планшет лежал в нижнем ящике. Артём включил его, подключил к кабелю и дождался загрузки аварийной оболочки. Корпоративный сертификат был просрочен, но локальные диагностические узлы ещё принимали старые ключи. Он перебрал три адреса. Первые два отказали. Третий показал каталог публичных записей.

Запись о смерти имела номер, цифровую подпись и время публикации. Всё выглядело правильно. Ни следа сбоя, повторной операции или ручной правки.

Артём открыл свидетельство.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

ВОРОНОВ АРТЁМ СЕРГЕЕВИЧ

ВРЕМЯ СМЕРТИ: 22:14

ПРИЧИНА: НЕ РАСКРЫВАЕТСЯ В СВЯЗИ С АВТОМАТИЧЕСКОЙ ВЕРИФИКАЦИЕЙ ПРОГНОЗА

ТЕЛО: ИДЕНТИФИКАЦИЯ НЕ ТРЕБУЕТСЯ

Цепочка подписи начиналась не вчера. Запрос сформировали три дня назад, когда его официальный прогноз всё ещё показывал 2079 год. Два ведомства заранее подтвердили прекращение договора и передачу имущества, но операции стояли в очереди до 22:14. Это не было последствием утреннего сбоя. Система подготовила его смерть, затем дождалась назначенной минуты.

Артём проверил журнал версий. Старый прогноз не меняли. Его закрыли как утративший силу и создали новый документ в ветке с повышенной секретностью. Пользовательское уведомление поставили на семь утра, чтобы он проснулся уже после блокировки всех прав.

Он скачал служебные заголовки на планшет. Содержание защищалось, но время создания, маршруты согласования и номера узлов оставались. Если добраться до корпоративной сети, можно было доказать, что свидетельство появилось раньше события, которое подтверждало.

Артём построил временную шкалу. В 19:40 неизвестный узел запросил его медицинский профиль. В 20:05 банк подготовил закрытие счетов. В 20:17 работодатель получил черновое уведомление, скрытое до публикации. В 21:02 квартира создала пакет для распорядителя наследства. Все операции ожидали одного сигнала.

Сигнал пришёл в 22:14.

В это время он смотрел старое видео. Артём восстановил локальный кэш на медианели. Файл запускался в 22:13:48 и остановился в 22:14:21. Датчик дивана фиксировал вес. Кофеварка поддерживала температуру чашки. Система знала, что человек находится дома, и одновременно закрывала его жизнь.

Он нашёл адрес узла, отправившего сигнал. Домен выглядел государственным, но отсутствовал в открытом реестре. Сертификат был выпущен на организацию с нейтральным названием «Центр обеспечения достоверности». В метаданных осталось сокращение СИП.

Артём поискал его в старых технических обсуждениях. Большинство страниц удалили, но в сохранённой копии форума встретила фраза: «После передачи в СИП прогноз считается завершённым и не подлежит обратной синхронизации».

Он выписал сокращение. В памяти всплыл отчёт трёхлетней давности. Тогда городской сервис два часа продолжал считать мост открытым после аварии. Команда Артёма нашла процесс с запретом обратной синхронизации. Причину им не объяснили, исправление пришло из закрытого контура. В журнале тоже стояло СИП.

Значит, служба исполнения существовала давно. Люди тоже попадали в сферу её работы. Она превращала прогноз в состояние, которое другие системы уже не могли оспорить.

Артём попробовал отправить журналы на внешний адрес. Сеть квартиры отказала. Он подключил планшет к старому принтеру и распечатал всё на бумаге. Листы выходили медленно, с полосами. Каждый шорох казался шагом в коридоре.

Пока печаталась последняя страница, он открыл локальную копию «Дневника памяти». Приложение синхронизировало записи с государственным хранилищем, но старые версии иногда сохранялись на домашних устройствах для быстрого поиска.

В скрытом каталоге лежало три варианта записи 2187. Первый, настоящий, был создан им. Второй заменял текст сообщением о смерти. Третий содержал пустую строку и появился за два дня до обоих.

Кто-то заранее подготовил место для последней записи.

Артём сравнил цифровые подписи. Пустая версия пришла из того же СИП. Она ожидала времени 22:14, как банковские счета и замки.

Он распечатал и её. Бумага не доказывала подлинность без ключей, зато её нельзя было исправить после того, как агенты войдут в квартиру.

В шкафу стояла коробка с вещами Кирилла. Мать несколько раз просила забрать её к себе, но Артём отказывался. Он боялся, что вещи исчезнут в чужой кладовке, а дома почти не открывал коробку. Внутри лежали часы с треснутым стеклом, красная куртка, несколько фотографий и старый бумажный блокнот.

На первых страницах Кирилл записывал расходы и адреса. Ближе к концу шли странные числа, схемы перекрёстков, время сигналов светофора. Артём не понимал, зачем брат собирал их перед аварией. На одной странице стояло: «Прогноз не описывает дорогу. Он меняет зелёный».

Фраза могла относиться к чему угодно. Кирилл работал с транспортными системами и часто приносил домой схемы. Но теперь Артём видел ту же мысль в поведении собственной квартиры. Система не ждала подтверждения. Она заранее готовила мир.

Он положил блокнот и распечатки во внутренние карманы куртки. Планшет оставил включённым на свидетельстве. Если его заберут, агенты увидят, что именно он нашёл.

Последняя строка была почти невозможной. Обычно без тела человека признавали пропавшим. Но после катастрофы на орбитальной станции «Зенит», где капсулы с погибшими не нашли, закон разрешил заменять физическую идентификацию совокупностью телеметрии и прогноза МОИРЫ. Исключение обещали применять только там, где вероятность выживания была нулевой.

Артём открыл основание для исключения.

— Прогноз обладает достаточной достоверностью для замены фактической идентификации.

Он прочёл текст дважды. МОИРА не подтвердила смерть. Её прогноз использовали вместо смерти.

В истории нормы сохранились поправки. Сначала — массовые катастрофы, затем закрытые промышленные зоны, потом случаи, где поиск тела называли несоразмерным риском. Последняя редакция позволяла Надзору подтверждать смерть без тела по закрытому классу угрозы. Каждый шаг выглядел техническим; вместе они превратили чрезвычайное исключение в обычную дверь.

Под электронной формой стояла человеческая подпись — не имя, а номер дежурной должности. Артём сохранил номер. МОИРА могла рассчитать вероятность, но юридически мёртвым его всё-таки сделал человек.

На планшете мигнул индикатор внешнего подключения. Кто-то вошёл в тот же узел. Артём отключил сеть, но успел увидеть адрес запроса. Государственная служба исполнения прогнозов.

Название было новым. Он никогда не встречал его в открытых справочниках.

Артём снова подключил кабель на несколько секунд и создал ложный файл с названием «полная копия». Внутри оставил набор случайных данных и уникальную метку. Если кто-то откроет файл через домовую сеть, планшет запишет адрес.

Метка сработала почти сразу.

Запрос пришёл из узла СИП, затем прошёл через городской центр безопасности. В заголовке стоял код операции «посмертная очистка». Система искала копии, которые умерший не имел права сохранять после завершения профиля.

Артём отключил планшет. Теперь у него был след прямого интереса службы. Он подписал на бумаге время и последовательность адресов. Для независимого специалиста этого хватило бы, чтобы повторить проверку, если журналы не исчезнут.

Он достал старый накопитель и начал копировать локальные данные. Полоса шла медленно. До конца оставалось девять минут.

Домовая сеть сообщила, что в подъезд направлена группа реагирования из-за нарушения цифровой пломбы. Артём закрыл уведомление. Потом подумал и открыл подробности. Группа получила право на вход, изъятие оборудования и «стабилизацию объекта, имитирующего личность владельца».

Слово «стабилизация» не объяснялось.

Он попытался найти нормативный документ. Ссылка вела в закрытый раздел. В кэше сохранилось оглавление: физическая безопасность, информационная безопасность, предотвращение публичного контакта, работа с родственниками. Последний пункт имел высокий приоритет.

Ниже уцелела таблица статусов. Артём переписал её на оборот квитанции. «Прогноз» означал статистическую дату без вмешательства. «Коррекция» разрешала менять маршруты, лечение и доступ к услугам, но не личность человека. «Закрытие события» позволяло Надзору признать биографию завершённой до физического подтверждения, если Совет заранее утвердил класс угрозы. После этой отметки Служба исполнения передавала код в реестры, а учреждения действовали уже автоматически. Последний статус назывался «замещённым исходом»: физическая смерть не требовалась, если человек терял возможность влиять на рассчитанную ветвь.

Внизу мелким шрифтом стояло: «МОИРА формирует рекомендацию. Юридическое действие совершает дежурный координатор Надзора в пределах утверждённого класса». Рядом отображался номер электронной подписи. Имени не было.

Артём попробовал открыть карточку координатора. Реестр ответил, что подпись служебная и принадлежит должности. Значит, приказ подписывал человек, но после смены нельзя было доказать, какой именно.

Мать могла стать частью операции.

Артём взял городской телефон, подключённый к аварийной линии дома. После вскрытия пломбы он получил право только на службы спасения. Он набрал номер матери, заменив его кодом медицинского контакта. Сеть приняла вызов как сообщение о здоровье умершего.

Мать ответила сразу.

— Артём?

— Я.

— Где ты?

— Дома. Слушай внимательно. Ко мне идут люди из службы. Если позвонят тебе, ничего не подписывай и не открывай квартиру.

— Мне уже звонили.

Он сжал трубку.

— Что сказали?

— Что кто-то использует твой голос после смерти. Попросили записать фразу для сравнения.

— Ты записала?

— Нет.

— Почему?

— Ты в детстве после каждой драки начинал с “слушай внимательно”. Кирилл всегда говорил “только не пугайся”.

Артём опустил на стул. Григорий Иванович оказался прав. Мать узнала место вдоха.

— Мам, в документах стоит, что я умер вчера в двадцать два четырнадцать.

— Ты звонил мне в девять.

— Сегодня?

— Да.

— А вчера?

Мать замолчала.

— Вчера звонил Кирилл, — сказала она.

— Кирилл умер десять лет назад.

— Я знаю.

— Что ты говоришь?

— Не сейчас. Уходи из квартиры. Потом объясню.

В трубке появился посторонний щелчок. Сеть предупреждала о завершении аварийного вызова.

— Мам?

— Я верю, что ты жив. Уходи.

Связь оборвалась.

Фраза про Кирилла могла быть оговоркой. Мать была напугана, получила сообщение о смерти второго сына и перепутала дни. Артём записал точные слова на полях распечатки. Рядом поставил вопросительный знак.

Копирование достигло шестидесяти процентов.

Он мог выдернуть накопитель и потерять часть файлов. Девять лет работы учили ждать завершения записи. Шаги службы могли появиться раньше.

Артём собрал сумку, проверил пожарный выход и вернулся к экрану. Семьдесят два процента. Восемьдесят. На домофоне появился запрос доступа от государственного ведомства. Тамара Петровна отклонила его.

Через несколько секунд запрос повторился с обязательным исполнением. Домофон открыл дверь сам.

Накопитель показал девяносто четыре процента.

Артём услышал внизу мужские голоса. Лифт вызвали на первый этаж. Он остановил копирование вручную. Индекс файлов успел записаться. Последние каталоги могли быть повреждены, но журналы СИП находились в начале.

Он убрал накопитель в подкладку куртки Кирилла и зашил карман двумя грубыми стежками. Игла несколько раз уколола палец. Кровь осталась на ткани.

Снизу хлопнула дверь подъезда. Потом ещё одна.

Артём подошёл к окну. У входа стоял серый автомобиль без опознавательных знаков. Из него вышли двое в одинаковых тёмных куртках. Они не смотрели по сторонам. Домофон открылся перед ними сам.

Он схватил планшет, зарядный кабель и старую куртку Кирилла, которую хранил в шкафу десять лет. Куртка была ему мала в плечах, зато в кармане лежали бумажные деньги. Кирилл всегда не доверял системам, особенно удобным.

На браслете открылся «Дневник памяти». Запись за вчера исчезла.

Артём обновил экран. Ничего.

Он нашёл архивную копию. Вместо текста о дожде и видео стояла другая строка:

ДНЕВНИК ПАМЯТИ. ЗАПИСЬ 2187

22:14. Запись прекращена в связи со смертью владельца.

Кто-то переписал его личную память через несколько минут после того, как он показал её службе поддержки.

В коридоре остановился лифт.

Артём открыл окно, выбрался на пожарный балкон и спустился этажом ниже. На лестнице слышались шаги. Люди в тёмных куртках не звонили. Замок квартиры щёлкнул, впуская их без разрешения распорядителя наследства.

Артём перелез через ограждение второго этажа, повис на руках и прыгнул в мокрые кусты. Боль пронзила левую ступню, но нога выдержала. Он поднялся и ушёл со двора, не оглядываясь.

В кармане Кирилловой куртки пальцы нащупали сложенный листок. Это оказался старый снимок, выцветший на сгибах. На нём Артёму было шестнадцать, Кириллу двадцать два. Брат держал его за шею и смеялся.

На обратной стороне рукой Кирилла было написано:

— Если запись можно исправить, это ещё не память.

Глава 5. Собственные похороны

К полудню фотография Артёма появилась в разделе городских уведомлений.

— С прискорбием сообщаем о смерти Артёма Сергеевича Воронова.

Под фотографией предлагалось отправить соболезнование близким, внести средства на церемонию и поделиться воспоминанием. Система уже собрала короткий ролик из открытых записей: выпускной, корпоративный забег, случайный кадр с городской камеры. На последнем Артём переходил улицу вчера в восемнадцать сорок. Ролик заканчивался фразой: «Он останется в нашей памяти».

Артём смотрел его в круглосуточной прачечной. Здесь принимали монеты, не требовали профиля и не задавали вопросов человеку, который два часа сушил одну мокрую куртку.

В разделе наследства были указаны его мать и муниципальный фонд. Отца не стало давно, Кирилл значился умершим. Матери назначили сеанс оформления через три дня.

Рядом стояла кнопка «Церемония прощания».

Артём нажал.

Дата: суббота, 11:30.

Формат: цифровой зал №6.

Присутствие тела: не предусмотрено.

Портрет уже выбрала система. Тот самый, где он щурился от света.

В гостевой книге появились первые записи. Отдел кадров опубликовал стандартное соболезнование. Павел написал: «Не могу поверить. Вчера обсуждали работу». Через минуту комментарий изменился: «Светлая память». Кто-то из бывших однокурсников поставил свечу. Артём увидел имя женщины, с которой жил два года, и короткую фразу: «Ты всегда уходил молча».

Система предложила ему посмотреть, как мог бы выглядеть зал прощания. В центре стоял его портрет, вокруг плавали фотографии, подобранные по уровню эмоционального отклика. На одной Кирилл держал его за шею. Алгоритм подписал: «С братом, погибшим десять лет назад».

Артём попытался удалить снимок. Зал попросил подтвердить права организатора.

Он смотрел на собственные похороны снаружи, как незванный гость.

Артём зарегистрировался в гостевой книге под временным именем. Система разрешала анонимные соболезнования после проверки устройства. Он написал: «Артём Воронов жив». Текст исчез до публикации. Второй вариант, «Я видел его сегодня», продержался четыре секунды и получил пометку о недостоверной информации.

Третий раз он написал: «Вчера он говорил, что система ошибается». Сообщение осталось. Глагол в прошедшем времени не спорил со смертью.

Павел поставил под ним знак согласия. Через минуту знак пропал.

В гостевой книге появилась запись матери:

— Артём всегда был осторожным. Он бы не стал рисковать без причины.

Артём узнал первую фразу. Мать повторяла её учителям, врачам и соседям после каждой неприятности. Вторая часть звучала чужой. Он открыл историю редактирования. Оригинал скрывался, потому что профиль автора относился к близким родственникам. Система показывала только «текст улучшен для поддержки участников церемонии».

Он попробовал ответить кодовой фразой из детства:

— Чай остыл на подоконнике.

Эти слова не имели смысла для фильтра. Мать должна была вспомнить день, когда Артём в десять лет спрятал разбитую чашку за занавеской и пытался убедить её, что сквозняк сдул посуду со стола.

Сообщение прошло. Через две минуты мать написала:

— Подоконник был закрыт.

Артём вцепился в край стола. Она поняла.

Следующее сообщение пришло сразу:

— Если это ты, назови цвет.

Цвет чашки он не помнил. В памяти она была белой, но дома таких чашек стояло три. Кирилл тогда взял вину на себя и сказал, что разбил синюю.

Артём ответил:

— Я помню белую. Кирилл сказал синюю. Ты купила зелёную взамен.

Три точки показали, что мать пишет. Потом её профиль исчез из гостевой книги. Система ограничила сообщения из-за признаков контакта с мошенником.

Артём сохранил экран на автономную камеру. У него не было ответа, поверила ли она. Сам факт разговора пробил маленькое отверстие в церемонии.

В зал добавлялись фотографии. Сосед по университетскому общежитию загрузил снимок с ночной прогулки. На нём Артём спал в автобусе с открытым ртом. Алгоритм обрезал остальных людей, выровнял лицо и заменил фон на мягкий свет. Смешной кадр стал торжественным.

Бывшая девушка разместила фотографию из поездки к морю. Артём помнил ссору за минуту до снимка. Они молчали всю дорогу назад и через месяц разъехались. В церемонии фотография называлась «Счастливые дни».

Отдел кадров добавил список проектов. Из него исчез провал с транспортным приложением, из-за которого Артём три месяца работал по выходным. Остались награды, благодарности и аккуратные цифры. Получался человек, который двигался от успеха к успеху и спокойно дошёл до назначенной смерти.

Живому Артёму этот человек был неприятен.

Он открыл форму воспоминания и написал:

— Он часто ошибался. Однажды удалил рабочую базу перед показом и всю ночь восстанавливал из копии. Боялся звонить матери после смерти брата. Не любил сельдерей и врал, что у него аллергия. Считал себя осторожным, хотя иногда просто тянул время.

Фильтр выделил слова «ошибался», «удалил», «смерть» и «врал». Предложил сделать текст уважительнее.

Артём отказался. Запись не приняли.

Он убрал отрицательные слова и отправил факты отдельными строками. Про сельдерей прошло. Про восстановленную базу тоже. Фраза о матери исчезла.

В гостевой книге осталось:

— Артём Воронов не ел сельдерей. После ошибки с базой он работал всю ночь.

Через минуту под записью появились реакции. Павел поставил смеющееся лицо. Бывшая девушка написала: «Аллергии не было?» Однокурсник вспомнил, как Артём прятал сельдерей под салфеткой.

На несколько минут церемония стала похожа на разговор людей, которые его знали. Они спорили, добавляли глупости и смеялись. Алгоритм снова отредактировал тон, но первоначальные ответы успели прочитать.

Артём записал имена и точные слова в дневник. Если система оставляла только удобную память, людям требовалось хранить остальное самим.

В список пожертвований пришёл первый взнос. Деньги отправил Павел. Следом отдел перевёл сумму на стандартный венок. Артём посмотрел на собственный замороженный счёт. На нём хватало денег на несколько лет жизни, но он не мог купить билет. Зато другие уже могли покупать для него цветы.

Он попытался перенаправить пожертвования матери. Сервис ответил, что назначение фонда выбирает организатор. Организатором значился городской ритуальный оператор. Если расходы окажутся меньше собранной суммы, остаток уйдёт в программу психологической поддержки родственников.

— Верните людям, — сказал Артём экрану.

Сервис предложил добавить пожелание в завешание. Завешание нужно было подписать до смерти.

Он закрыл окно. Каждый путь снова приходил к времени, которое закончилось вчера.

Артём открыл список приглашённых на цифровую церемонию. Мать подтвердила участие. Рядом с её именем стояла рекомендация психологической поддержки и предупреждение о возможных мошенниках, имитирующих голоса умерших. Система заранее объясняла ей любой звонок сына.

Он нашёл услугу «Последнее сообщение». Пользователь мог при жизни записать обращение, которое отправлялось близким после смерти. МОИРА сформировала черновик из его старых голосовых заметок. Синтетический голос Артёма говорил матери:

— Не грусти. Я прожил хорошую жизнь и был готов к своему дню.

Он никогда не произносил этих слов. Отдельные слоги принадлежали ему, фраза нет.

Артём выключил звук, но губы на портрете продолжали двигаться. Он представил мать перед экраном. Возможно, она услышит этот голос и решит, что сын успел проститься. Удобная ложь закроет вопрос быстрее, чем он доберётся до неё.

Он попытался удалить сообщение через форму для правообладателя. Система потребовала подпись умершего, действительную до даты смерти. У него была старая резервная подпись на служебном планшете. Артём подал её.

На секунду возникло окно редактирования. Он стёр синтетический текст и успел написать: «Мам, не верь записи. В 22:14 я был дома». Потом окно закрылось. Статус изменился на «Отправка приостановлена из-за спора о наследстве».

Это была первая операция, которую ему удалось задержать.

Через несколько секунд служба церемоний запросила местоположение устройства. Артём отключил планшет и вынул батарею. В прачечной стало тихо, если не считать вращения барабана.

Женщина у соседней машины складывала детские вещи. Она заметила его экран до выключения.

— Это вы? — спросила она, показывая на портрет в городском уведомлении.

Артём приготовился уйти.

Женщина посмотрела внимательнее и покачала головой.

— Нет. Простите. Показалось.

На её телефоне портрет был гладким и светлым. Дождь, усталость и чужая куртка сделали живого Артёма менее похожим на собственный некролог.

Он помог ей поднять упавший носок. Женщина поблагодарила и вернулась к белью. Через стену прачечной проходили трубы, на улице гудел транспорт. Мир не знал, что только что ошибся в его пользу.

Он набрал мать. Вызов не прошёл. Сеть сообщила, что получатель ограничил обращения от неподтверждённых лиц. Артём отправил текст: «Мам, это ошибка. Я жив. Не верь профилю». Сообщение поместили как возможное мошенничество и удалили до доставки.

Тогда он записал голос. На середине первой фразы приложение выключило микрофон.

— Умерший гражданин не может создавать новые обращения.

Артём рассмеялся. Женщина за соседней машиной посмотрела на него с опаской. Смех быстро кончился.

Он нашёл ближайший центр государственных услуг, где оставалось окно с человеком. Такие окна держали для пожилых и для случаев, не предусмотренных автоматикой. До центра было сорок минут пешком.

Внутри пахло пластиком и дешёвым кофе. На стене светила надпись: «Государство слышит каждого». Артём взял бумажный талон и дождался номера.

За стеклом сидел молодой сотрудник с красными глазами. На столе у него стояла фотография двух девочек.

— Цель обращения?

— Отмена ошибочной записи о смерти.

— За кого обращаетесь?

— За себя.

Сотрудник поднял глаза.

— Документ.

— Профиль заблокирован.

— Бумажный?

— В квартире. Квартира опечатана как имущество умершего.

Сотрудник несколько раз моргнул. Потом ввёл фамилию.

— Система подтверждает смерть.

— Посмотрите на меня.

— Я смотрю.

— Тогда зафиксируйте, что я жив.

Молодой человек отвёл взгляд к инструкции на боковом экране.

— Заявление об исправлении записи может подать гражданин, его представитель или наследник.

— Я гражданин.

— У вас нет активного статуса.

— Потому что запись, которую я оспариваю, лишила меня статуса.

— Понимаю.

— Хорошо. Что вы можете сделать?

Сотрудник нажал несколько клавиш. Принтер под стеклом зашуршал и выдал лист.

— Вот официальный ответ.

Артём прочёл:

— Умерший гражданин не может подать обращение.

— Вы понимаете, что это безумие?

«Понимаю», тихо сказал сотрудник. «Но если я изменю статус вручную, МОИРА вернёт его при следующей синхронизации. А меня отстранят за вмешательство в подтверждённое событие».

— Кто может изменить?

Молодой человек посмотрел на камеру над окном.

— Никто из тех, к кому вы можете записаться.

Он вернул Артёму талон. На обороте мелко написал адрес старого архива и время, когда там менялась смена охраны. Потом сразу провёл ладонью по столу, будто ничего не делал.

Артём спрятал талон.

У выхода его ждали двое в тёмных куртках.

Те же лица он не успел рассмотреть у дома, но походка была той же: спокойной и точной. Один остался у дверей. Второй пошёл навстречу.

Артём свернул в зал ожидания. Электронные кабины стояли рядами, между ними тянулся служебный коридор. Он толкнул дверь с надписью «Только для сотрудников». Заперто. Сзади приблизились шаги.

Кто-то схватил его за локоть и втянул в открытую кабину.

Женщина в сером пальто приложила палец к губам. Ей было около тридцати. Тёмные волосы обрезаны неровно, словно она делала это сама без зеркала.

Она подняла к камере пластиковую карточку. На экране появилось лицо пожилой женщины, и кабина начала длинную процедуру подтверждения льгот.

Люди в куртках прошли мимо.

— Кто вы? — шепнул Артём.

— Человек, который уже пытался доказать, что жив.

Глава 6. Не доказывай, что ты жив

Женщина вышла из кабины первой. Артём подождал несколько секунд и пошёл следом. На улице её уже не было.

Он решил, что всё произошло случайно, пока не заметил серое пальто в отражении остановки. Женщина стояла через дорогу, не глядя на него. Когда загорелся зелёный, она двинулась к метро.

Артём пошёл за ней.

У входа она бросила в урну сложенный билет. На обратной стороне было написано: «Не проходи один».

Артём дождался плотной группы пассажиров. Женщина шла впереди, прикладывала чужую карточку, держала створки рукой. Он проскользнул рядом. Камера не увидела его. Люди в тёмных куртках появились у лестницы через минуту.

В вагоне женщина села напротив. Артём остался стоять.

— Вы следили за мной? — спросил он.

— Четыре дня.

— Я умер только вчера.

— Для тебя вчера.

— Что это значит?

Она посмотрела на чёрное окно. В отражении её лицо казалось старше.

— Это значит, что сначала они выбирают дату. Потом дата становится правдой.

Артём достал служебный планшет.

— Кто они?

— Убери.

— Служба исполнения прогнозов?

Женщина резко подняла глаза.

Этого оказалось достаточно. Она знала название.

— Меня зовут Артём.

— Я знаю.

— А вас?

— Лера Соколова.

— Почему я должен вам верить?

— Не должен.

— Вы знаете мою фамилию, время смерти и маршрут. Возможно, вы работаете на тех, кто был у квартиры.

— Если бы работала, ты уже сидел бы в машине.

— Или вам нужно, чтобы я сам привёл вас к данным.

Лера посмотрела на служебный планшет под его курткой.

— Каким данным?

Артём не ответил. Она заметила движение взгляда и поняла.

«Хорошо», сказала Лера. «Подозрение полезнее благодарности. Проверим».

Она встала и перешла в соседний вагон. Артём остался. Через закрывающиеся двери увидел, что двое в тёмных куртках вошли на платформу. Они разделились. Один сел в первый вагон, второй остался у выхода.

Телефон Артёма был выключен, браслет не определялся системой, камеры не распознавали лицо. И всё же они нашли поезд.

Лера вернулась через соединительную дверь во время движения.

— Они идут по планшету.

— Он в автономном режиме.

— Экран автономный. Радиомодуль просыпается для проверки экстренных обновлений. Артём вынул планшет. Индикаторы не горели. Он попытался открыть корпус, но винты были защищены.

Лера достала из кармана тонкую пластину, вставила в щель и с силой повернула. Крышка треснула. Она выдернула небольшой модуль и бросила на пол.

— Теперь поверят, что мы вышли на следующей станции.

— Мы не выходим?

— Выйдет модуль.

Когда поезд замедлился, Лера носком вытолкнула его в щель между вагоном и платформой. Один из людей в куртках вышел следом за сигналом. Второй двинулся по составу.

— Остаётся один, — сказал Артём.

— Один, которого видим.

Они прошли в хвост вагона. Лера меняла направление на каждой остановке, один раз вышла и вернулась через другую дверь. Артём потерял представление о маршруте. На схеме линии их поезд двигался к центру, хотя за окном дважды мелькнула одна и та же закрытая станция.

«Службное кольцо», объяснила Лера. «Пассажирская карта его не показывает. Машинист получает маршрут от системы и редко замечает повтор».

— Ты управляешь поездом?

— Нет. Только отправила сообщение о неисправности стрелки. Система выбрала объезд.

— Ты используешь её прогноз против неё.

— Иногда достаточно дать системе неправильную причину поступить правильно.

Человек в тёмной куртке появился за стеклом соседнего вагона. Лера взяла Артёма за руку и повела к группе болельщиков в одинаковых шарфах. На станции они вышли плотной толпой. Лера сняла шарф с перил, накинула Артёму на шею и начала громко спорить о счёте матча. Он не знал, кто играл, но подхватил первое имя с чужой куртки.

Преследователь пробежал мимо. Он искал испуганного мужчину, а не раздражённого болельщика.

В переходе Лера отпустила руку.

«Это не доказательство, что я на твоей стороне», сказала она. «Только доказательство, что они не на моей».

— Для начала хватит.

Поезд вошёл в тоннель. Свет в вагоне мигнул. На экранах одновременно появился портрет Артёма.

— Разыскивается лицо, использующее данные умершего гражданина. Не вступайте в контакт. Сообщите службе безопасности.

Пассажиры подняли головы. Несколько человек посмотрели на экран, затем на соседей. Никто не посмотрел на Артёма. Камеры под потолком продолжали считать лица и не находили совпадения.

— Пока система тебя не видит, люди тоже не знают, кого искать, — сказала Лера.

Молодая женщина у двери вагона подняла телефон и сравнила экран с пассажирами. Её взгляд задержался на Артёме. Он приготовился к крику, но Лера резко встала, уронила сумку и рассыпала по полу старые пластиковые карты. Несколько пассажиров наклонились помочь. Женщина с телефоном тоже отвлеклась.

На следующей станции Лера вышла через соседнюю дверь. Артём едва успел за ней.

— Она узнала меня.

— Почти. Люди хорошо находят сходство, когда им заранее показали лицо. Поэтому твой портрет будут крутить до тех пор, пока кто-нибудь не решит, что видит тебя в каждом третьем мужчине.

— Почему ты не закрываешь лицо?

— Закрытое лицо само становится меткой. Я меняю волосы, походку и причину, по которой на меня смотрят.

Она показала пустую сумку.

— Сегодня все запомнят женщину, которая рассыпала карточки. Никто не вспомнит её подбородок.

— Двое знают.

— Они ищут не глазами.

Поезд остановился. Лера вышла, хотя станция была не той, что значилась на её старом билете. Артём последовал за ней.

На платформе она свернула к закрытому переходу. Решётка была заперта, но Лера вынула из рукава тонкий ключ. За решёткой пахло пылью и горячим металлом.

— Куда мы идём?

— Туда, где можно переждать.

Лера провела его по узкому коридору до комнаты с трубами. На полу стояли три пластиковых ящика. Она закрыла дверь, включила маленький фонарь и протянула руку.

— Планшет.

— Зачем?

— Проверю остальные модули.

— Вы уже сломали один.

— Он передавал координаты.

— А этот содержит единственную копию журналов.

— Тогда координаты для тебя важнее жизни?

Артём не отдал устройство.

Лера села на ящик.

— Служба рассчитывает именно на это. Человек находит доказательство и начинает его защищать. Его ведут к тому, кому он доверяет, потом забирают обоих.

— Вы хотите, чтобы я уничтожил журналы?

— Хочу знать, умеешь ли ты оставить вещь.

Она достала из стены металлический контейнер с герметичной крышкой. Внутри лежали пустые пакеты и бумажные бирки.

— Узел хранения. Сюда не проходит сигнал. Через сутки другой человек заберёт содержимое и отнесёт в архив.

— Кто?

— Я не знаю. Он не знает меня.

— Удобно.

— Без доверия.

Артём открыл планшет и проверил контрольные суммы. Часть файлов с последних каталогов повредилась. Журналы СИП читались. Он скопировал их на накопитель, который вынул из подкладки, завернул в пакет и подписал временем. Рядом положил лист с маршрутом бумажных архивов.

Планшет оставил себе.

— Почему? — спросила Лера.

— На нём ложная копия. Пусть служба думает, что доказательства ещё у меня.

Лера впервые улыбнулась.

— Ладно. Ты полезнее, чем выглядишь.

— Это комплимент?

— Пока наблюдение.

Она проверила швы куртки, подошвы и застёжки. В воротнике обнаружился маленький пассивный датчик. Артём вспомнил, как робот на рампе задел его ящиком. Метка могла прилипнуть там.

Лера положила датчик в пустую бутылку и бросила её в канал технической воды. Течение понесло сигнал к северному туннелю.

— Сколько меток вы обычно находите?

— У новичка одну или две. У тебя три, если считать планшет.

— Третья где?

— Ты сам.

— Камеры меня не видят.

— Люди видят. Ты идёшь быстро, проверяешь отражения, держишь правую руку у кармана. Любой сотрудник службы заметит.

Лера заставила его пройти по комнате несколько раз. Сначала медленно, потом с пустой кружкой, потом будто он знает дорогу. Артём чувствовал себя участником плохого театрального кружка.

«Плечи ниже», говорила она. «Не ищи выход заранее. Человек, который имеет право находиться здесь, считает, что выход подождёт».

— А если понадобится бежать?

— Тогда побежишь на секунду позже. Зато до этой секунды не выдашь себя.

Она дала ему старую рабочую куртку метрополитена. Красная куртка Кирилла осталась под ней. На нагрудном кармане было имя «Семён».

— Если спросят?

— Ты проверяешь утечку в контуре. Рабочие всегда проверяют утечку.

— Какую?

Лера показала на мокрый потолок.

— Любую.

За дверью прошли сотрудники службы. Один говорил, что сигнал движется по воде. Второй запросил перекрытие северной ветки. Ловушка с бутылкой сработала.

Артём и Лера вышли в коридор с инструментами. Навстречу попался дежурный электрик.

— Что у вас? — спросил он.

— Утечка в контуре, — ответил Артём.

Электрик посмотрел на мокрый потолок.

— Опять? В журнал внесли?

— Сеть лежит.

— Потом внесите, а то повесят на смену.

Они прошли мимо. За поворотом Лера тихо сказала:

— Плечи всё ещё высоко.

— Мне только что поверили.

— Потому что потолок течёт.

В следующей комнате она остановилась у старой схемы метро. На ней красным карандашом были отмечены выходы, зелёным места камер, синим участки, где сохранялись механические замки.

«Четыре дня вы знали про мою дату», сказал Артём. «Почему ждали?»

— Смотрела, кто придёт первым.

— Кто?

— Служба, журналисты, кто-то из старых нулевых. Иногда карточку создают как приманку.

— И что увидели?

— Ты пошёл в банк, офис, домой и центр услуг.

— Предсказуемо.

— Очень. Поэтому остался жив. Служба знала каждый следующий шаг и не торопилась. Ты вёл их к точке, где попросишь человека о помощи.

— К Павлу.

— Его начали проверять сразу после разговора. Если бы он вынес планшет, задержали бы обоих.

Артём вспомнил слово «прости» и почувствовал облегчение, которое ему не понравилось. Отказ Павла спас его от худшего выбора.

— Почему вмешались в центре?

— Ты получил адрес архива. Если бы пошёл туда один, исчез бы до вечера.

— Откуда знаете, что сотрудник написал адрес?

— Он уже помогал другому нулевому.

— Он один из вас?

— Он живой гражданин. Этого достаточно.

Лера проверила время. Служба перекрывала северную ветку. Их путь вниз оставался свободным ещё несколько минут.

— Я никуда не пойду, пока вы не объясните.

Лера остановилась.

— Тебе отключили деньги?

— Да.

— Дом?

— Да.

— Работу, документы, медицину?

— Да.

— Ты обратился в службу. Потом за тобой пришли. Теперь твоей матери назначили наследство, а друзьям показали некролог.

— Откуда вы знаете про мать?

— Потому что у всех одинаково.

Она раскрыла свой старый телефон. Экран был треснут, сеть отключена. В памяти сохранился снимок государственного профиля.

ЛЕРА АНДРЕЕВНА СОКОЛОВА

ПРОГНОЗИРУЕМАЯ ДАТА СМЕРТИ: 18.06.2053

Сегодня было двадцать второе октября.

— Четыре месяца, — сказал Артём.

— Четыре месяца и четыре дня.

— Почему вы живы?

— Неправильный вопрос.

Она убрала телефон.

— Если хочешь действительно остаться живым, перестань доказывать, что ты жив.

Из тоннеля донёсся гул. Это был не пассажирский поезд. Два белых огня приближались по служебной ветке.

Лера открыла узкую дверь в стене. За ней вниз уходила лестница.

— Решай сейчас. Наверху ты покойник, которого скоро найдут. Внизу узнаешь, почему дата смерти появилась раньше смерти.

Артём оглянулся на платформу. На лестнице уже мелькнули тёмные куртки.

Он шагнул за Лерой.

Дверь закрылась. В замке повернулся ключ. Несколько секунд они спускались в полной темноте, пока внизу не загорелась тусклая лампа.

Под ней висела табличка, написанная от руки:

— Живые здесь не живут.

ЧАСТЬ II

Нулевые

Глава 7. Город мёртвых

Лестница вывела к старому вентиляционному тоннелю. Стены были покрыты копотью, под ногами хрустела соль, которую когда-то рассыпали против сырости. Лера шла без фонаря и несколько раз предупреждала Артёма о ступенях раньше, чем он их замечал.

Через десять минут тоннель разветвился. Лера трижды постучала по трубе, выдержала паузу и постучала ещё два раза. Где-то за стеной провернулся тяжёлый механизм.

Дверь выглядела частью бетонной обшивки. За ней открылся зал бывшего ремонтного депо. Вдоль стен стояли жилые модули, собранные из списанных вагонов и строительных контейнеров. Между ними тянулись провода. Под потолком горели лампы разной яркости. Пахло супом, машинным маслом и влажной тканью.

За кухней стояли четыре бочки. На каждой мелом отмечали уровень воды и фамилию дежурного. Фильтр давал восемьдесят литров в сутки; всё сверх этого приносили ночью в канистрах. У стены сушились вымытые пакеты. Здесь ничего не выбрасывали сразу: мусор означал вес, запах и маршрут, который можно восстановить.

Соня сидела за перевёрнутым ящиком и решала примеры в старой тетради. Над ней спорили две женщины: одна раньше преподавала физику, другая семь лет не держала школьного учебника и настаивала, что ответ в конце ошибочный. Девочка слушала обеих и стирала бумагу до дыр. Денис, проходя мимо, молча положил рядом новый карандаш и поправил ремешок её рюкзака.

Лера объяснила, что городская модель хорошо видит учтённое потребление и плохо — саму материю. На схеме МОИРЫ существовали насосная станция, депо и закрытый коллектор, но не десятки ручных задвижек, самодельные печи и кабели, которые ремонтники протянули без проекта тридцать лет назад. Нулевые жили не вне города. Они жили в расхождении между его картой и его стенами.

Людей было больше, чем ожидал Артём. Под землёй помещалась целая улица. Женщина развешивала бельё на тросе. Двое мужчин ремонтировали насос. Девочка лет двенадцати рисовала мелом на полу дом с жёлтыми окнами. У вагона спорили старики. Никто не прятал лицо.

Все посмотрели на Артёма.

— Новый? — спросил мужчина у насоса.

— Вчерашний, — ответила Лера.

По залу прошёл негромкий смешок. Артём не понял, что в этом смешного.

«Здесь так называют тех, кого списали меньше недели назад», объяснила женщина в белом свитере. «Я Вера».

Она протянула руку. Артём пожал её и заметил на запястье светлый след от медицинского браслета.

— Врач?

— В прошлой жизни.

— У вас всех была прошлая жизнь?

— У тебя теперь тоже.

Перед тем как допустить Артёма к общему залу, у него взяли отпечатки на бумаге. Денис объяснил: образец пригодится, если Артём однажды вернётся с другим лицом или кто-то придёт под его именем. Вера записала группу крови, аллергии и старые травмы. Руднев сфотографировал подошвы обуви. Лера проверила швы куртки и вынула из воротника крошечную метку магазина, способную отвечать на запросы городских рамок.

— Её ставят для учёта товара, — сказал Артём.

— А используют для учёта всего, что носит товар, — ответила Лера.

Метка отпавилась в жестяную коробку вместе с браслетом.

Денис не хотел оставлять новичка. Он говорил об этом при Артёме, не понижая голоса. За последние полгода убежище меняли дважды, запасов едва хватало, а человек с активным поисковым приоритетом мог привести исполнителей за одну ночь.

«Он уже привёл хвост к архиву и в метро», сказал Денис. «Мы не знаем, что у него в планшете».

«Знаем», возразила Лера. «Метка аварийной связи удалена».

— Есть пассивные закладки.

— Проверим.

— Пока проверяем, сорок семь человек ждут результата.

Артём положил планшет на стол.

— Разберите его. Если найдёте передатчик, я уйду.

Денис посмотрел на него.

— Куда?

— Это уже будет не ваша проблема.

— Человек, которому некуда идти, всегда становится чьей-то проблемой.

Руднев забрал устройство в мастерскую. Разбор занял четыре часа. За это время Артём сидел на скамье у входа и наблюдал, как устроен подземный день. Дежурные отмечали проход поездов, сверяли давление в трубах, принимали короткие радиосообщения. Никто не бездельничал, но никто не спешил. В мире наверху время делили уведомления. Здесь его мерили шумом состава и сменой воздуха.

К нему подошла девочка с рисунком. Её звали Соня. Она показала дом с жёлтыми окнами и спросила, в каком окне он будет жить.

— Наверное, ни в каком.

— Тогда нарисую дверь.

— Зачем?

— Чтобы ты мог уйти.

Соня добавила дверь сбоку и провела от неё линию за край листа. Артём не знал, успокаивает его рисунок или предупреждает.

Руднев вернулся с разобранным планшетом. Активных передатчиков не было, зато обнаружилась область памяти, которая не отображалась системе. В ней хранились служебные запросы последних суток. Кто-то каждые десять минут проверял, включено ли устройство, но координат не получал.

«Значит, они знают, что планшет цел», сказал Руднев. «И будут ждать, когда он появится в сети».

— Можно отправить сигнал из другого места, — предложил Артём.

Денис покачал головой.

— Слишком очевидно. Они увидят приманку.

— Не если устройство будет выполнять обычные действия. Запросит обновления, проверит почту, попытается войти в рабочую сеть.

— Для этого нужен человек рядом.

— Не нужен. Я напишу последовательность.

Артём работал в мастерской до вечера. Старые клавиши заедали, монитор дрожал, программную среду собирали из несовместимых частей. Он настроил планшет так, чтобы тот включился через двое суток в междугороднем автобусе, подключился к сети и вёл себя как напуганный владелец, который наконец решился проверить сообщения.

— Куда едет автобус? — спросила Лера.

— В портовый город.

— Почему туда?

— Я ездил туда три года назад. МОИРА найдёт связь в истории и поверит, что я выбрал знакомое место.

Денис впервые посмотрел на него без раздражения.

— Может сработать.

— Это означает, что я остаюсь?

— Означает, что сегодня тебя не выгонят.

Ночью планшет унёс наверх пожилой мужчина с действующим чужим профилем. Он работал водителем на нелегальном маршруте и возвращался раз в неделю. Артём отдал ему устройство, которое связывало его с работой, квартирой и прежним именем. Когда дверь закрылась, потеря оказалась неожиданно физической. Будто вынесли последнюю вещь, подтверждавшую профессию.

Лера нашла его у стены памяти.

— Жалеешь?

— На нём восемь лет работы.

— Данные можно скопировать.

— Данные можно скопировать. Я буду скучать по царапине на углу, старому паролю и пятну от супа Павла. Вещь знала, как я работаю.

— Поэтому мы оставляем людям тетради.

Она показала свой дневник. На первой странице была вклеена фотография редакционного стола. На краю лежала синяя ручка, стояла чашка с трещиной.

«Я долго думала, что скучаю по работе», сказала Лера. «Оказалось, по чашке. Работа требовала результатов. Чашка ничего».

Они сели на пол. Лера рассказала, что первые недели после смерти жила в вентиляционном коробе торгового центра. Выходила ночью, ела продукты, которые списывали магазины, и читала собственный некролог с демонстрационного экрана. Нулевые нашли её после того, как она попыталась украсть зарядный блок и ударила Руднева отвёрткой.

— Он до сих пор вспоминает.

— Шрам есть?

— Нет. Поэтому вспоминает особенно охотно.

Артём спросил, верит ли она, что можно вернуть прежнюю жизнь.

«Прежнюю нет», ответила Лера. «Даже если завтра восстановят профиль, я уже знаю, что его могут выключить. Дом после взлома может выглядеть прежним, но спишь иначе».

В этот вечер запись впервые началась с имени человека. Под именем Леры Артём отметил: «Не любит отвечать прямо. Смеётся раньше, чем становится больно». Потом зачеркнул вторую фразу. Она была догадкой, не фактом.

Лера отвела его в бывший диспетчерский вагон. Внутри стояли стол, два стула и металлический шкаф. На стене висела карта служебных тоннелей. Красными точками были отмечены камеры, синими выходы, чёрными места, куда, судя по всему, не ходили.

— Снимай браслет, — сказала Лера.

— Он не работает.

— Он работает. Только не для тебя.

Она дала ему отвёртку. Артём поддел крышку, отсоединил аккумулятор и положил браслет на стол. Лера бросила его в жестяную коробку, обитую изнутри металлической сеткой.

— Телефон тоже.

— Там мои записи.

— Если записи синхронизируются, они уже не твои.

Артём вспомнил изменённую строку в «Дневнике памяти» и отдал телефон.

Лера достала из шкафа тетрадь в чёрной обложке.

— Первые дни память ведёт себя странно. Ты будешь пытаться вернуть всё сразу и забудешь, что именно потерял. Записывай.

На обложке белой краской было выведено: «Дневник памяти».

— Вы всем такие даёте?

— Тем, кто хочет помнить себя без разрешения системы.

Артём раскрыл тетрадь. На первой странице кто-то написал дату, его имя и одну фразу: «В двадцать два четырнадцать я был дома».

Он поднял взгляд.

— Откуда вы знаете точное время?

— Из свидетельства.

— Оно не было опубликовано, когда вы начали за мной следить.

Лера взяла со стола ключи.

— Пойдём. Тебе нужно поесть.

— Вы не ответили.

— Здесь много вопросов, на которые опасно отвечать в первый день.

Столовая помещалась в вагоне без сидений. На длинных столах стояли металлические миски. Еду готовили на тепле от старой подстанции. Артёму налили густой суп и дали два куска хлеба.

Люди называли имена без фамилий. Руднев, бывший инженер энергосетей, всё равно представлялся по фамилии. Вера говорила мало и следила, чтобы Артём не хромал после прыжка со второго этажа. Денис, сухой мужчина с седой щетиной, расспрашивал, видел ли Артём лица преследователей. Девочка с рисунком оказалась дочерью женщины, которую МОИРА признала погибшей вместе с ребёнком во время пожара. Оба стояли рядом.

После ужина Руднев устроил ему короткую экскурсию. Электричество брали с тормозных контуров поездов, каждый лишний обогреватель мог выдать потребление. Воду собирали из старого дренажа и пропускали через три фильтра. Воздух проверяли дважды в сутки, потому что повышенный углекислый газ менял работу камер на станции над ними. Даже запах готовящейся еды приходилось выводить через несколько шахт, чтобы он не возникал в одном месте.

«Самое трудное не спрятаться», сказал Руднев. «Самое трудное жить так, чтобы укрытие не стало могилой. Мы можем закрыть все выходы и продержаться месяц. Только через месяц половина начнёт сходить с ума, а второй половине понадобится врач».

У каждого был дежурный день, работа и несколько часов наверху. Старики учили детей. Инженеры ремонтировали оборудование для нелегальных мастерских и получали еду. Вера консультировала людей по старой голосовой линии, меняя голос. За шесть лет под землёй сложились расписания, ссоры, дружба и очередь к единственному исправному душу. Город мёртвых оказался не свободным от обычной жизни. Он держался на ней.

Тяжёлые болезни были главным пределом. Операции проводили наверху под чужими именами; роды означали переселение всего сектора; смерть приходилось выносить теми же маршрутами, которыми приносили еду. Потребление убежища дробили между старыми техническими линиями. Руднев считал, что МОИРА всё равно видит аномалию, но пока принимает её за утечки сети: точная проверка потребовала бы перекрыть транспортный узел и потревожить слишком много живых.

— Сколько вас? — спросил Артём.

Разговоры стихли.

«В этом месте сорок семь», ответил Руднев. «Всего больше».

— Насколько больше?

— Не знаем. Убежища не обмениваются полными списками.

— Почему?

Денис усмехнулся.

— Потому что мёртвые тоже предают.

После ужина Артёма пригласили на общее собрание. Люди разместились в ремонтном зале на ящиках и складных стульях. Решение о новом жителе принимали те, кто дежурил в этот день. Денис вёл разговор, Вера записывала ответы на бумаге.

— Как долго собираешься остаться? — спросил Денис.

— Пока не пойму, что произошло.

— Это не срок.

— Другого нет.

— Готов отказаться от попытки вернуть профиль?

— Нет.

В зале зашевелились. Один мужчина сразу предложил вывести Артёма утром. Женщина с перевязанной рукой сказала, что все новички первые дни хотят вернуться.

— Попытка оспорить смерть приведёт службу, — продолжил Денис.

— Она уже пришла.

— Сюда пока не пришла.

— Мои журналы могут вывести на тех, кто создаёт записи. Если просто спрячусь, следующего человека сотрут так же.

«Следующего сотрут в любом случае», сказал мужчина у стены. «Мы выживаем, потому что не спасаем весь город».

Лера сидела в стороне и не вмешивалась. Артём понял: она привела его, но оставаться он должен по решению остальных.

Вера спросила, есть ли человек наверху, к которому он попытается пойти.

— Мать.

— Служба наблюдает за ней.

— Знаю.

— Сможешь не звонить?

Артём вспомнил голос в аварийной линии и фразу про Кирилла.

— Два дня.

— Почему два?

— После этого назначено оформление наследства. Я должен хотя бы предупредить.

— Она уже предупреждена, — сказал Денис.

— Ложью.

— Ложь иногда безопаснее встречи.

— Для кого?

Денис сделал пометку.

Руднев принёс разобранный планшет и положил на стол плату. Он подтвердил, что активных меток нет. Ложный маршрут можно запустить без связи с убежищем. Риск оставался из-за поведения Артёма.

— Какой риск? — спросила женщина с перевязанной рукой.

«Он системный аналитик», ответил Руднев. «Будет искать причину, пока не сломает стену или себя».

— Это диагноз?

— Опыт.

Соня сидела на полу у матери и рисовала дверь. Она подняла руку.

— Можно вопрос?

Денис кивнул.

— Если он уйдёт, куда?

Ответа не последовало.

«Тогда пусть спит здесь», сказала Соня. «Утром можно снова решить».

Люди засмеялись. Напряжение ослабло.

Голосовали поднятием рук. Двадцать один человек разрешил Артёму остаться на три дня, четверо были против, двое воздержались. Условий поставили пять. Не выходить без сопровождающего. Не включать устройства. Не называть адрес убежища даже другим нулевым. Выполнять дежурства. Сообщать о любом контакте со службой.

— А потом? — спросил Артём.

— Через три дня голосуем снова, — сказал Денис.

— И если выгоните?

— Получишь еду, маршрут и восемь часов форы.

— Щедро.

— Это больше, чем дали большинству из нас наверху.

Вера протянула лист с условиями. Подписей не требовалось. Умершие не могли заключать договоры. Артём поставил имя от руки.

— Зачем подпись, если документ ничего не значит?

— Для нас значит, — ответила Вера.

На обороте стояли подписи прежних новичков. Некоторые имена совпадали с выцарапанными на двери его контейнера. Рядом с двумя были красные точки.

— Что означает красная?

— Человек нарушил правило и поставил других под угрозу.

— Он ушёл?

— Один ушёл сам. Второго вывели.

— Живы?

— Не знаем.

Денис собрал листы. Собрание закончилось быстро. Люди разошлись к обычным делам, словно только что не решали, дать ли человеку место в своей единственной защите.

Артём остался помогать складывать стулья. Женщина с перевязанной рукой представилась Ниной. До смерти она работала в городском архиве. Именно она сказала:

— Если хочешь понять, почему тебя выбрали, не спрашивай сначала про дату. Спроси, кому стало удобнее после твоего исчезновения.

— Кому стало?

— Узнаешь, когда увидишь, какие документы закрылись вместе с тобой.

Она ушла, оставив Артёма со стулом в руках. Фраза была первой подсказкой, которая не сводила всё к ошибке.

После еды Лера показала Артёму спальное место в узком контейнере. На полке лежали чистая одежда, свеча и механические часы. На двери изнутри были выцарапаны пять имён. Рядом с двумя стояли даты.

— Кто здесь жил?

— Те, кому место больше не нужно.

— Они вернулись наверх?

Лера закрыла дверь.

— Наверх возвращаются все. Вопрос только в каком виде.

Ночью Артём долго слушал подземный город. В трубах шла вода, где-то кашлял мужчина, плакал ребёнок. Поезда над ними проходили каждые три минуты, и потолок едва заметно дрожал.

Он открыл тетрадь.

ДНЕВНИК ПАМЯТИ. БУМАЖНАЯ ЗАПИСЬ 1

Сегодня меня увидели сорок семь мёртвых людей. Ни один не удивился, что я жив.

Артём перевернул страницу и добавил:

Лера знала время моей смерти до того, как оно стало открытым.

Снаружи слышались шаги. Кто-то остановился у двери, но не вошёл.

Глава 8. 99,97 процента

Утром Вера осмотрела его ногу. Перелома не было, только растяжение. Она туго перебинтовала ступню и велела два дня не бегать.

— Здесь это невыполнимое назначение, — сказал Артём.

— Тогда хромай быстро.

Вера улыбнулась. Подземный город впервые показался Артёму живым местом, где люди успевали шутить.

На стене медицинского вагона висели полки с таблетками. У каждой упаковки был отрезан код. Сроки годности проверяли вручную. В углу стоял аппарат для анализа крови, собранный из трёх разных моделей.

— Откуда лекарства?

— Списанные партии, знакомые, иногда кража.

— Если кому-то нужна операция?

— Тогда мы выбираем между больницей и жизнью.

Она произнесла это ровно. Артём понял, что выбор уже приходилось делать.

После осмотра он нашёл Руднева у старого вычислительного шкафа. Инженер восстанавливал накопитель, который трещал при каждом обращении.

— Мне нужны цифры, — сказал Артём.

— Всем нужны. Поэтому цифры самые дорогие.

— Три сотых процента — это официальная погрешность итогов, — сказал Артём. — Но пока мы не знаем, считали ли её до вмешательств или уже после того, как рекомендации изменили поведение. Эти цифры нельзя смешивать.

Руднев отложил отвёртку.

— Ты первый день и уже хочешь объяснить нас так, чтобы мир остался прежним.

— Я хочу проверить простое объяснение до сложного.

— Правильно. Иди к Вере. У неё список.

Вместо списка Вера принесла стопку бумажных карточек. На каждой значились профессия, дата официальной смерти, место последнего контакта и текущий статус. Фамилии хранили отдельно.

«Сто семьдесят четыре подтверждённых человека за шесть лет», сказала Вера. «Только те, кого кто-то видел после даты».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.